

и др. В этот же период возникают предпосылки создания позднейших культур Запада и Востока и происходит важный процесс смены формации.

Нужно включить в курс «Истории древнего Востока» также историю древней Средней Азии, создающуюся, а в значительной мере уже созданную в настоящее время трудами целой плеяды советских исследователей и имеющую для советского студента безусловный интерес.

Мы надеемся, что дальнейшие издания учебников по истории древнего Востока будут уже следовать новым и более последовательным программам.

И. М. Лурье и И. М. Дьяконов

М. ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН, Письма к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту, 1 том. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, 534 стр., тираж 5000 экз., цена 25 руб.

В истекшем году вышел в свет первый том писем Цицерона в таком же прекрасном внешнем оформлении, как и «Записки Юлия Цезаря», появившиеся в прошлом, 1948 г. Сам факт появления перевода писем Цицерона на русский язык имеет огромное значение и для историков, и для литературоведов; это первый полный русский перевод памятника, имеющего исключительно важное значение для изучения истории Рима I в. до н. э.

Античная литература, дошедшая до нас, не слишком богата эпистолографическим материалом; особенно это касается времени до нашей эры. Небольшое число писем Платона, подлинность которых до сих пор берется под сомнение, три письма Эпикура, мнимые письма Ксенофonta и немного других — вот то малое наследство, которое сохранилось от классической эпохи; эллинистическая эпистолография не представлена совсем, и только IV в. н. э. дает обильный материал в письмах Либания, императора Юлиана, Синесия и других. Римская литература первых веков нашей эры дала нам письма Плиния Младшего (II в. н. э.) и Симмаха (IV в. н. э.). Для эпохи же римской республики единственным неоценимым эпистолографическим источником служат письма Цицерона.

Излишне говорить о том, насколько цenna для историка эпистолография вообще — письмо по самому своему характеру существенно отличается от всех других литературных памятников: оно пишется под непосредственным впечатлением от пережитых событий, иногда через несколько часов после того, как они произошли; оно передает те мелкие житейские подробности каждого события, которые впоследствии забываются, как якобы не имеющие важного значения, но которые передко объясняют его глубоко лежащие скрытые корни и, во всяком случае, вносят в изображение его оживляющие черточки.

Надо, правда, учитывать, что письма многих крупных деятелей древнего мира не были исключительно «частными» письмами в нашем смысле слова. Они читались большей частью не только адресатом, по и его друзьями, а иногда и совсем незнакомыми с автором людьми; они обрабатывались впоследствии с точки зрения литературной формы самим автором или его секретарем,—для чего у автора всегда оставались копии с них, — и распространялись в многих списках; после смерти автора из них составлялись сборники, их читали и разбирали в школах, по ним учились литературному стилю, как по образцам. И все же, даже этот процесс перерождения субъективного документа в общедоступное литературное произведение не мог стереть с него того отпечатка непосредственности и жизненности, который был присущ ему по его природе.

Благоприятная судьба сохранила для нас из бурного I в. до н. э. письма именно того человека, который наиболее живо и многосторонне мог отразить в них эту непрерывно волнившуюся эпоху. Можно, конечно, очень пожалеть о том, что мы не имеем подлинных писем крупнейших деятелей того времени и что мы создаем себе представление об их высказываниях по их, в большой степени фиктивным, речам и пись-

мам в сочинениях историков (см., например, письмо Помпея к сенату и Митридата к Аршаку в «Истории Саллюстия). Несомненно, однако, что в письмах этих лиц политическая атмосфера была бы менее ярко отражена, чем в письмах Цицерона. Все они были людьми действия; они в большой мере преследовали свои определенные политические цели и планы, о которых едва ли распространялись особенно многословно даже в письмах к ближайшим политическим друзьям и попутчикам.

Другую роль играл во всю эту эпоху Цицерон. Он, правда, часто изображает дело так, как будто он создает события и руководит ими; но уже давно установлено, что события развивались почти независимо от его блестящих ораторских выступлений: известно, что Катилина покинул бы Рим и без произнесенной Цицероном первой Катилинарии, что самые грозные Веррины не были произнесены, да и сам Веррес играл ничтожную политическую роль. В то время власть оружия, военная диктатура всемогущих победоносных армий, повиновавшихся только своим полководцам — да и то не всегда — не находила нужным считаться с остатками бессильной, запуганной и разложившейся сенатской партии, лишь изредка бросая сходящим со сцены старикам подачки в виде льстивых заверений, что «оружие уступает тоге». Цицерон хотел верить этим заверениям и, может быть, иногда действительно верил им, убеждая себя в том, что его роль в политике очень велика и гипнотизируя сам себя великим подвигом своего консульства. Но именно потому, что эта роль в действительности отнюдь не была решающей, что он, воображая, будто он своей рукой раскачивает волны событий, на самом деле сам качался на них, именно поэтому он и давал наиболее скорый отклик на каждое событие и под непосредственным впечатлением изображал его таким, каким оно было.

Впечатлительный и неустойчивый, легко впадающий то в преувеличенный восторг, то в мрачное уныние, добросердечный, но самолюбивый и храстливый, высоко ценящий все внешние блага жизни и постоянно запутанный в долгах, по желанию казаться глубоким философом, именно он был наиболее подходящим человеком для отражения тех политических коллизий, в которых он, по существу, принимал только косвенное участие. Он слишком сильно руководствовался личными впечатлениями, переживаниями и симпатиями, чтобы быть подлинным политическим деятелем. То личные симпатии тянут его к Цезарю — до единоличной диктатуры Цезаря, — то он вынужден примыкать к нелюбимому его Помпею, то, наконец, он обнаруживает крайнюю политическую нездальновидность, превознося Октавиана, в девятнадцать лет попавшего, пожалуй, в политику больше, чем Цицерон в шестьдесят три. Все эти деятели, игравшие им и использовавшие так или иначе его блестящий литературный талант и его широкую известность, отразились, как живые, в его письмах, в которых он то превозносит их, то подшучивает и над ними, и над собой, то высказывает меткие суждения, свидетельствующие о большой психологической наблюдательности, — суждения, которыми сам он не руководствовался в своих действиях.

Особую ценность многих его письмам придает еще и то, что они действительно были «частными» письмами и предназначались только непосредственному адресату, — чаще всего, Аттику. Недаром во многих письмах Цицерон выражает опасение, что они могут попасть в чужие руки и повредить ему, недаром он откладывает многие темы до личной беседы. Характерно и то, что его главный корреспондент, Аттик, переживший надолго Цицерона и, по всей видимости, запедывавший подбором и изданием его писем, поместив многие ответы от других корреспондентов Цицерона, не поместил ни одного своего письма. Очевидно, их обмен мнениями по политическим вопросам носил слишком откровенный характер, чтобы опубликование его было желательным для Аттика, хорошо устроившего свою дела и при всемогущем принципе Августе и не желавшего, чтобы его консервативно-республиканские симпатии были общепизвестны. Все эти черты, свойственные письмам Цицерона, делают их не только незаменимым историческим источником, но и интереснейшим чтением.

Письма Цицерона издавались со времени своего открытия двояким способом: иногда они располагались в том же порядке, в каком они были найдены в рукописях, т. е. — по адресатам (16 книг писем к Аттику, 2 книги — к Марку Бруту, 16 книг —

к близким лицам, 2 книги — к брату Квинту); в сборник писем к Бруту вошли и ответы Брута, в сборник писем к близким лицам — письма нескольких друзей и знакомых Цицерона: Целия Руфа, Метелла Непота и других. В переводах, рассчитанных на более широкий круг читателей, принят другой порядок расположения писем — хронологический, что интереснее с исторической точки зрения. Так расположены письма и в настоящем переводе В. О. Горенштейна. Несомненно, такой порядок издания писем гораздо более понятен для среднего читателя, и совершенно правильно, что Издательство Академии Наук приняло его, чтобы легче довести до читателя этот ценный и своеобразный исторический источник. Однако Издательство пошло читателю навстречу только в этом отношении; весь остальной вспомогательный аппарат не заслуживает одобрения, и его следует подвергнуть тщательной и суровой критике специалистов, чтобы его пробелы могли быть до некоторой степени исправлены в следующих томах. В данном обзоре могут быть сделаны только некоторые замечания.

Вышедший в свет том заключает в себе письма Цицерона от 68 до 51 года, т. е. из времени до его консульства в 63 г., после консульства до изгнания в 58 г., после возвращения из изгнания (времени I триумвирата), кончая поездкой в качестве проконсула в Киликию и возвращением оттуда. Среди этих писем многие касаются частных, семейных и дележных дел Цицерона, но имеется немало и таких, которые живо и наглядно изображают ход заседаний в сенате, передают ходячие слухи и излагают взгляды самого Цицерона на то или иное событие. Весь этот не斯特рый материал может быть полностью понят и оценен теми, кто не является специалистом по истории Рима, только при том условии, что он будет, во-первых, развернут на фоне широкого исторического изображения данной эпохи и, во-вторых, тщательно комментирован. К сожалению, то и другое в I томе выполнено недостаточно.

По образцу «Записок Юлия Цезаря» вводные статьи помечены после текста писем. Этих статей имеется три: очень краткая, на двух страницах, статья акад. И. И. Толстого, содержащая только суммарную характеристику Цицерона; статья проф. С. Ковалева, крупного специалиста по истории Рима, излагающая четко и сжато биографию Цицерона и характеристику его литературной деятельности, и статья А. Доватура об античных сборниках и изданиях писем Цицерона.

За статьями следует комментарий, составленный переводчиком писем В. О. Горенштейном. Таким образом, с внешней стороны как будто все обстоит благополучно. Однако достаточно прочесть статьи, начать читать письма с комментариями и поставить себя не только на место читателя-специалиста, но даже того, кто несколько позабыл исторические события эпохи Цицерона, чтобы сразу почувствовать, насколько неудовлетворительны и статьи, и комментарии.

Начнем со сведений, данных о самом Цицероне. Даже его биография изложена далеко не так подробно, как это требовалось бы для понимания его писем. Так, например, при упоминании о роли Цицерона в раскрытии заговора Катилины не сопоставлены взгляды самого Цицерона на эту роль с изображением ее у Саллюстия, и даже имя Саллюстия не упомянуто вовсе. Но еще более важным упущением является отсутствие какого бы то ни было упоминания о частной жизни Цицерона, об его семейных отношениях, об имущественном положении. Достаточно сказать, что нигде не названо имя его жены, Теренции, сыгравшей довольно важную роль в его жизни: В комментарии ко II письму, где Цицерон впервые упоминает о ней, не указано, кто же та Теренция, которая «страдает болями в суставах» (стр. 9), а объяснено только, что Цицерон называет свою маленькую дочь Туллиолой. Нет и характеристики младшего брата Цицерона, Квinta, сыгравшего впоследствии такую отрицательную роль в судьбе старшего брата. Однако самым большим упущением является, несомненно, отсутствие какой бы то ни было характеристики главного адресата писем — Тита Помпия Аттика, о котором сказано только, что он был «близким другом» Цицерона (стр. 402). Даже не то важно, что не указаны их родственные отношения (на сестре Аттика был женат Квинт Цицерон), а то, что без раскрытия очень своеобразной политической роли Аттика целый ряд писем Цицерона совершенно непонятен.

Аттик является одной из любопытнейших фигур этого времени. Якобы удалившийся от общественной жизни Аттик, живший почти все время то в Афинах, то в своем эпирском имении и занятый литературой и искусством, тем не менее, судя по письмам Цицерона, играл огромную закулисную политическую роль. Во все решительные моменты, при соискании новой магистратуры, при каждом ответственном политическом выступлении Цицерон спрашивает его совета и всегда горько упрекает себя, если в чемнибудь нарушит его указания. Никогда не занимая сам государственных должностей, Аттик почему-то нередко появляется в Риме именно в моменты предвыборных кампаний. В то же время он делает по поручению Цицерона закулики, ссужает его деньгами, уплачивает его крупные долги, дает ему советы, касающиеся покупки домов и имений и управления ими. Он дает крупные ссуды городским управлением в Греции для уплаты налогов, сурово взыскивает с них долги. Он же является цензором, редактором, издателем и пропагандистом литературных произведений Цицерона. Его богатство и разнообразнейшие деловые интересы и связи давали ему возможность, не выступая открыто, играть исключительно важную роль. Обо всем этом ленившийся читатель должен только догадываться по самим письмам.

Имеются в примечаниях и другие недосмотры биографического характера: нет указаний, кто такие адресаты Цицерона: Целий Руф (письмо СС), — тоже очень характерная фигура из кругов золотой молодежи, которой было много вокруг Цицерона, Гай Мунаций (письмо СХХI) и другие. Вообще надо заметить, что лица, только упоминающиеся в письмах, охарактеризованы почти все, а сами адресаты в комментариях не упомянуты. Желательно было бы также указывать политическую принадлежность упоминаемых лиц, если она известна. Это сильно облегчило бы чтение писем.

Серьезным упущением является также отсутствие хотя бы небольшой обзорной статьи о некоторых сторонах государственного и правового устройства римской республики — о прохождении магистратур, полномочиях магистратов, порядке выборов и т. п.. Без такой статьи и специального комментария слабеет впечатление от такого интересного документа, как сочинение Квинта Цицерона о предвыборной агитации; это наставление старшему брату, повидимому, менее ловкому и опытному, чем Квинт, местами напоминает собой сатирическую иллюстрацию к истории политических обычаев и нравов.

Письма Цицерона, пошедшие в I том, распределены по периодам его жизни; было бы хорошо перед каждым разделом ввести краткий исторический очерк этого периода; отметить особенности социально-политической обстановки; это дало бы возможность яснее представить себе особенности исторической обстановки, сильно изменяющейся в каждый, даже краткий, период времени, чем это можно сделать на основании общей биографии Цицерона в статье проф. С. И. Ковалева. Таким образом, чрезвычайно интересный и большой труд немало теряет из-за недостаточно серьезно продуманного научного оформления.

Перейдем к вопросам перевода как такового. Чисто литературная задача, стоящая перед переводчиком писем Цицерона, очень трудна. Язык Цицерона богат, разнообразен и с большой гибкостью отражает быструю смену его впечатлений и чувств. Стойкость его тоже очень индивидуален: Цицерон часто строит эллиптические неполные предложения, прерывает себя вопросами, иногда даже начинает с вопроса. Он нередко пользуется звучными готовыми формулами, особенно если речь идет о государственной доблести, о верности долгу и о его собственных подвигах «на благо республики». Нередко, однако, эти пышные формулы, включенные в ткань обиходной речи, звучат со знательной иронией. О какой бы теме ни писал Цицерон, он всегда строит свою фразу так, что она красива, звучна и при этом максимально ясно выражает то, что он хочет сказать, а иногда искусно маскирует то, чего он говорить не хочет. Как в его речах длинные и стройные периоды, так и в его письмах четкие простые фразы являются послушным орудием.

Тот, кто хочет передать на другом языке письма Цицерона, должен заранее обдумать тот метод перевода, который он намерен избрать. Будет ли переводчик стремиться

передать все различные оттенки языка Цицерона (богатую синонимику, архаизмы, игру слов и т. п.), — что очень трудно, или он будет придерживаться в основном среднего стиля обиходной разговорной речи, в котором отдельные черточки стушевываются, будет ли он стараться воспроизвести средствами своего языка специфические приемы латинской риторики — от решения этих вопросов зависит весь литературный облик перевода, и переводчик должен сознательно избрать тот или другой путь. Наконец, само собой разумеется, никакое, даже малейшее насилие над фразеологией того языка, на который делается перевод, совершенно недопустимо. Язык перевода должен быть правильным, живым литературным языком.

В. О. Горенштейн пытается итти первым путем, т. е. передавать не только общий смысл текста, но и различные оттенки стиля; он вносит в язык своего перевода и некоторые архаизмы, и вульгаризмы, и обороты торжественные. Однако нередко характер тех выражений, которые он выбирает в русском языке, не соответствует характеру выражений Цицерона. Так, например, в фразе «Ты часто писал мне об умилостивлении и нашего друга» (письмо VIII, стр. 14) слово «умилостивление» посит в русском языке гораздо более торжественный характер, чем глагол *«placare»* в латинской фразе: *Quod ad te saepe scripsisti de nostro amico placando feci* (ad Att., I, 3). То же самое выражение в другом письме, перепеденное уже не существительным, а глаголом, в русском контексте приобретает несколько иронический тон, которого в латинском нет: «Прежде всего обещаю тебе умилостивить или даже вполне примирить нашего друга» — *Primum tibi de nostro amico placando aut etiam plane restituendo polliceor* (ad Att., I, 10). Кроме того, после слова «примирить» следовало бы вставить «с тобой» и отметить латинскую приставку *restituendo* словом «снова».

При передаче моральных сентенций, которые любят вводить Цицерон, переводчик, естественно, старается придерживаться зозвыщенного стиля, но стремление к излишней буквальности в передаче отдельных слов делает эти изречения не вполне понятными. Например — «Если гнев неумолим, то это высшее ожесточение; если же он поддается успокоению, то это высшее непостоянство» (письмо XXX, стр. 104). У Цицерона читаем: *si implacabiles iracundiae sunt, summa est acerbitas, sin autem exorabiles, summa levitas* (ad Quint. fr., I, 1); ни «ожесточение», ни «непостоянство» не передают смысла латинских выражений, хотя и являются дословным переводом, а мысль Цицерона в целом, повидимому, заключается в том, что непримиримый гнев является признаком или проявлением жестокого духа, а быстро успокаивающийся — признаком легкомысленного, неустойчивого характера.

Напротив, явным вульгаризмом, притом носящим слишком специфически русский характер, является перевод выражения *pulchellus ruer*, которое Цицерон часто применяет к молодому демагогу Клодию, русским «смазливый малый» (XXII, стр. 51). Тот грубоватый образ молодого деревенского царя, который вызывается этим русским выражением, не соответствует ни уменьшительному эпитету *pulchellus*, ни слову *ruer*. Клодий, который проник неизвестным на женский праздник в дом Цезаря, очевидно, был женоподобен и скорее мог бы быть назван «красавчик - мальчишка». Смешением же торжественного выражения с вульгаризмом является перевод слов *fugor pulchelli* через «безумство смазливого».

Переводчик с излишней точностью держится за воспроизведение латинского способа выражения. Известно, что в латинском языке личные местоимения 3-го лица заменяются указательными. Но для русского языка переводчик слишком часто пишет «тот» вместо «он». Например, после удачно переведенного описания разгрома дома Цицерона, произведенного по почину и под руководством Клодия, новая фраза начинается со слов: «А тот, обезумев, метался» (ХСII, стр. 202). Между тем имя Клодия было упомянуто много раньше и притом в косвенном падеже. Следовало здесь просто повторить имя «Клодий». Также слово *noster*, которое Цицерон постоянно прибавляет к именам разных лиц, то с лаской, то в насмешку, следовало бы переводить по-разному, смотря по смысловому оттенку. Например, в применении к тому же Клодию, врагу Цицерона, оно звучит странно по фразе: «Однако наш Публий угрожает мне, он падруг мне» (XLVI,

стр. 128). Также производит впечатление либо латинизма, либо искусственной подделки под русскую народную речь фраза: «лишь бы парфянин был спокоен» (СХСВ, стр. 367), когда речь идет о парфянах, нападающих на греки Киликии.

Наиболее серьезным упреком, который можно сделать переводчику, это упрек в недостаточном внимании к чистоте русской литературной речи, происходящем опять-таки от стремления к переводу слов, а не всей фразы в целом. Например, говоря о том, что скора Аттика с историком Лукцеем вероятно легко прекратится при личном свидании, Цицерон пишет: *sed haec aut sanabuntur quum veneris, aut ei molesta erunt, in utro culpa erit* (ad Att., I, 11). Русский перевод таков: «Но все это излечится с твоим приездом или станет тягостным тому, кто в этом виноват» (VII, стр. 13); мысль выражена не только нелитературно, но и непонятно.

Еще непонятнее, например, фраза: «Я уже вижу, куда переходит ненависть и где она утверждается» (XXXVI, стр. 115), передающая, правда, грустный для перевода латинский оборот *video iam, quo invidia transeat et ubi sit habitatura* (ad Att., II, 9). (Общий смысл его, повидимому, таков: «Я понимаю, среди кого начинает распространяться ненависть ко мне и среди кого она пустит корни). Ироническое выражение *dileciae equitum* становится непонятным в переводе «прелести всадников» (ХХIII, стр. 67).

Неправильно двукратное употребление предлога «на» во фразе: «Возлагаю всю надежду на облегчение этого тягостного недоразумения, на твою доброту» (стр. 65). У Цицерона эта фраза, напротив, построена очень изящно: *omnis in tua posita est humanitate spes huius levandae molestiae* (ad att., I, 17).

Очень трудным моментом в любом переводе является передача поговорок: так, например, нелегко подобрать соответствующее русское выражение к насмешке Цицерона над зазнавшимися всадниками, которые *digito se putant coelum attingere...* (ad Att., II, 1). Перевод «Они полагают, что достают пальцем до небес», несомненно, не передает мысли Цицерона и вызывает в памяти русское выражение «попасть пальцем в небо», имеющее совсем другой смысл». О всадниках проще было бы сказать, что они «задирают нос».

Конечно, было бы крайне несправедливо сказать, что перевод В. О. Горенштейна вообще неудачен. Переводчику хорошо удаются все места, восящие характер непринужденного, живого рассказа, дружеской болтовни. Примеров таких рассказов можно привести немало. Так начинается, например, письмо XXXV (стр. 113, ad Att., II, 8). «В то время, как я, по своему обыкновению, с нетерпением ждал к вечеру твоего письма, мне вдруг сообщают, что из Рима прибыли молодые рабы. Зову их, опрашиваю, нет ли писем. Отвечают. «Что ты — говорю — неужели ничего нет от Помпия?» Испуганные моим голосом и выражением лица, они признались, что получили письма, но потеряли дорогой. Что сказать тебе? Я был крайне огорчен...»

Или следующий огрызок: «Помпей любит меня и расположил ко мне. «Ты веришь?» — скажешь ты. Верю. Он совершенно убеждает меня в этом, но именно потому, что я этого хочу. Опытные люди при помоги всевозможных рассказов, настающей и, шансонец, стихов пелят осторегаться и запрещают верить: первое я выполняю — осторегаюсь; второго — не верить — выполнить не могу» (XI.VII, стр. 129, ad Att., II, 20).

Надо надеяться, что за первым томом не замедлит появиться и продолжение перевода писем Цицерона с 50 г. до 43 г. до н. э., которые по содержанию еще много интереснее, чем письма этого тома. Нельзя, однако, не высказать еще раз пожелания, чтобы исторический фон писем был более ярко освещен, а отдельные факты более тщательно и подробно комментированы. Это особенно важно для писем из времени гражданских войн и диктатуры Цезаря, которые войдут в дальнейшие тома.

Несмотря на указанные выше недосмотры и недоработки и в самом переводе, и в издании его, появление этой книги является большим достижением, и пельзя сомневаться в том, что знакомство с таким важным историко-литературным памятником принесет большую пользу как учащейся молодежи, так и широким кругам читателей, интересующимся римской историей и историей римской литературы.

M. E. Грабарь-Пасек